

Афганистан находится на грани полного экономического коллапса, и эйфория победы у талибов* проходит. Инфляция, засуха, пандемия коронавируса, внутренние перемещения и массовая эмиграция угрожают опустошить пострадавшую от войны страну. У предыдущего афганского правительства бюджет на 75% зависел от иностранной помощи. А сейчас неясно, будет ли помощь оказываться и в дальнейшем, в каком виде она будет поступать, какие сферы деятельности в стране поддерживать. МВФ и Всемирный банк уже приостановили финансирование Афганистана, а США заморозили активы афганского Центрального банка.

"Талибан"* находится под санкциями ООН и США. К уже действующим санкциям могут ввести дополнительные из-за захвата этой группировкой власти и нарушений прав человека. Санкции, обостряя экономические проблемы, могут привести к катастрофическим последствиям.

В Афганистане по-прежнему функционирует в основном экономика наличных денег. Для многих афганцев последние недели обнажили наихудший сценарий для страны, стоящей на устаревших финансовых рельсах: общенациональная нехватка наличных средств, закрытые границы, падение курса национальной валюты, быстро растущие цены на основные потребительские товары. Многие банки были вынуждены закрыть свои двери для клиентов из-за того, что закончились деньги. Western Union приостановил оказание всех услуг, и даже многовековая система "хавала", которая облегчает трансналичные переводы через сложную сеть личных контактов, обменников денег, на данный момент остаётся недействующей.

Прекращение международной помощи приводит к тому, что у афганской экономики — катастрофическое падение, и потому наркотики станут ещё более значимым компонентом в жизни граждан. Всё это потенциально лишает лидеров "Талибана", которые сейчас возглавляют Афганистан, возможности развивать легальную экономику и толкает их к расширению наркобизнеса.

АФГАНИСТАН КАК НАРКОГОСУДАРСТВО

По данным ООН, Афганистан уже долгие десятилетия является основным источником опиума в мире: на долю страны с 2015 по 2020 годы приходилось 83% его мирового производства. Незаконная наркоэкономика Афганистана беспрецедентна по своим масштабам, она глубоко укоренилась в стране ещё с 1980-х годов. Некоторые цифры: в 2007 году производство афганского опиума выросло до ошеломляющих 8200 тонн. В результате последующего перенасыщения рынка незаконных опиатов и интенсивной вспышки болезни мака производство в 2010 году упало до 3600 тонн. Затем в 2011 году оно снова выросло до 5800 тонн и оставалось, с некоторыми колебаниями, на этом уровне. В 2014 году оценочное производство опиума составляло 6400 тонн. В 2017 году производство поднялось до нового рекорда в 9000 тонн, а в 2018 году, в результате засухи в Афганистане, упало до 6400 тонн. Но этого количества произведённых опиатов достаточно для насыщения большей части мирового рынка.

Управление ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН) оценило валовую стоимость афганской опиатной экономики, включая выращива-

ние мака, переработку его в героин и незаконный оборот до границ Афганистана, в размере от 4,1 до 6,6 млрд долларов США в 2017 году, и из-за засухи и снижения цен — от 1,2 до 2,2 млрд долларов США в 2018 году. Опиатную экономику УНП ООН оценило от 6 до 11% ВВП Афганистана. Но если принять во внимание вторичные экономические эффекты, когда наркотики лежат в основе большей части другой, законной экономической деятельности (такой, как строительство и покупка товаров длительного и краткосрочного пользования), то можно увидеть, что наркотики составляют гораздо большую часть афганской экономики.

Более того, даже без учёта побочных эффектов производства наркотиков, которые делают возможной легальную экономическую деятельность для многих афганцев, доходы от наркобизнеса превышают доходы от афганского экспорта легальных товаров и услуг. Государственные доходы практически равны доходам от производства опиоинового мака.

Большинство мер по борьбе с наркотиками, принятых с 2001 года, были неэффективными или откровенно контрпродуктивными с экономической и политической точек зрения, а также с точки зрения усилий по борьбе с талибами.

источником средств к существованию. Выращивание опиоинового мака и каннабиса, сбор эфедры и производство опиума, героина, гашиша, эфедрина и, вероятно, метамфетамина (неясно, сколько эфедры перерабатывается в Афганистане) в значительной степени обеспечивают занятость людей. В частности, выращивание опиоинового мака и вскрытие капсул для сбора опиоидной смолы требует больших затрат труда и значительно превосходит возможности трудоустройства во всех других секторах экономики. Например, выращивание мака и сбор опиума в пять раз более трудозатратны, чем выращивание пшеницы. И если все посевы мака в Афганистане заменить пшеницей, четыре пятых населения страны потеряют работу.

По данным Специального генерального инспектора США по восстановлению Афганистана (SIGAR), выращивание мака обеспечивало до 590 тысяч рабочих мест в год, что превышало количество рабочих мест в Национальных силах обороны и безопасности Афганистана. В стране, где более 50% населения живёт за чертой бедности, а безработица периодически вырастает до 25–50%, занятость в наркобизнесе является спасательным кругом для многих.

Но, главное, сейчас любые попытки запретить наркотики потребуют долгосрочного плана по выращиванию альтернативных культур. Все предыдущие запреты на выращивание опиоинового мака в Афганистане продемонстрировали сложность соблюдения запретов при отсутствии экономических альтернатив.

Объективно оценивая ситуацию, следует отметить, что уменьшение посевов опиоинового мака, которое периодически происходило в течение последних двух десятилетий, было не столько результатом запретов, а зависело от насыщения глобальных и местных рынков наркотиков, болезней посевов мака, неблагоприятных погодных условий, таких, как засуха. Влияли также временные принудительные меры в определённых частях Афганистана.

ТАЛИБЫ* В НАРКОБИЗНЕСЕ

По сути, талибы не мыслят своего существования без наркобизнеса. Стремительное возвращение "Талибана" к власти в Афганистане означает собой один из немногих случаев в истории, когда многоцелевой преступной организации удалось захватить всю страну. "Талибан" изображает из себя святых воинов, но действуют они, скорее, как мафия. "Основным источником финансирования талибов остаётся преступная деятельность", — говорится в отчёте группы наблюдателей перед Советом Безопасности ООН в июне 2021 года. Там же отмечено, что производство и незаконный оборот как героина, так и метамфетаминов "остаётся крупнейшим источником дохода талибов".

"Талибан" получает и получает прибыль от торговли опиумом в четырёх основных секторах: — борьбы с дехкан, выращивающих мак, в раз-

мере 10% от их сельскохозяйственной продукции;

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ

Талибы не ограничиваются торговлей наркотиками. К другим незаконным источникам доходов "Талибана" относятся вымогательство, похищения с целью получения выкупа, незаконная торговля древесиной и полезными ископаемыми, теневой транзит незаконных товаров через страну.

И структура талибов похожа на структуру мафии (авторы употребляют термин "мафия" как синоним "организованной преступности"). Командиры талибов на местах собирали и будут собирать "налоги" и платили за защиту в своих зонах контроля, выплачивая процент от заработка руководителям талибов, некоторые из которых разбогатели на наркобизнесе, тратя деньги на безвкусные особняки и роскошные автомобили. Это к вопросу о предполагаемой борьбе талибов с коррупцией.

Наряду с торговлей опиумом, талибы сформировали солидный "портфель" прибыльных теневых предприятий. Они ввели беззастенчивый режим "налогообложения", взимаая плату с торговцев, путешествующих через контролируемые районы, а также с клиентов поставщиков электроэнергии, телекоммуникационных сетей и операторов мобильной связи.

Дело дошло до того, что четыре основные афганские телекоммуникационные компании, обслуживающие около двух миллионов абонентов, должны были ежемесячно вносить плату за защиту в каждой провинции, в противном случае их вышки передачи данных были бы атакованы. Платежи обычно были в пределах 2000 долларов за башню в месяц, но всё зависело от того, кто контролирует зону вокруг каждой башни. "В районах "Талибана" вы должны иметь

дело с их комиссионными", — рассказывал местный бизнесмен, чья фирма строит опоры электропередачи. И около четверти бюджета его компании шло на оплату защиты дорог и строительных площадок.

Традиционная исламская форма налогообложения, называемая "ушр", также позволяет им брать 10-процентную долю от урожая дехкан, наряду с "закят", 2,5-процентным налогом на богатство.

Горнодобывающая промышленность — это крупный бизнес в Афганистане, где есть огромные запасы драгоценных минералов, таких как золото, изумруды и рубины.

Как мелкие фирмы, так и крупные горнодобывающие компании платили и платят боевикам (как происходит в мафиозной структуре) деньги за защиту, за поддержание их деятельности на плаву, иначе им угрожал смертью, если выплат не будет.

В отчёте НАТО за 2020 год говорится, что под руководством мутлы Якуба, который занял в правительстве талибов кресло министра обороны, прибыль от дани, которую наложил талибы на добычу полезных ископаемых, выросла с 25 миллионов фунтов стерлингов в 2016 году до 336 миллионов фунтов стерлингов в 2020 году.

В том же докладе говорится, что талибы "целенаправленно вторглись в районы Афганистана, где есть полезные ископаемые, и, по их собственному признанию, смогли нарастить свои финансы сверх своих ожиданий". В сентябре 2020 года в конфиденциальном отчёте по заказу НАТО был сделан вывод о том, что "Талибан", благодаря организованной преступной деятельности, "достиг или близок к достижению финансовой и военной независимости", что позволяет ему самостоятельно финансировать своё повстанческое движение без необходимости поддержки со стороны правительств или граждан других стран.

С марта 2019 по март 2020 года более 450 миллионов долларов было получено талибами от незаконной добычи железной руды, мрамора, меди, золота, цинка и редкоземельных металлов; 160 миллионов долларов — от вымогательства и "налогов" в контролируемых ими районах и на автомагистралях. Чтобы "отмыть" эти деньги, они импортировали и экспортировали потребительских товаров на сумму 240 миллионов долларов. В докладе говорится, что талибы также владеют недвижимостью на сумму сотни миллионов долларов в Афганистане и Пакистане.

По данным исследований, которые приводит The New York Times (18.08. 2021), 235 млн долларов талибы ежегодно получают от взимания денег за возможность безопасного перемещения товаров по территории Афганистана.

Ещё до своей победы в августе 2021 года талибы сосредоточили внимание на приграничных городах, которые имеют огромное экономическое значение, что даёт военное и политическое преимущество. "Талибан" контролировал около десяти международных пунктов пересечения границы. Талибы контролировали рынки и торговые пути в Пакистан, Иран и Таджикистан, что позволяло им систематически облагать "налогами" различные звенья в товарных цепочках. Получение контроля над ключевыми контрольно-пропускными пунктами наполняло казну талибов и лишало бывшее правительство важного источника доходов.

Но самое жестокое и циничное преступление, из того, что совершали талибы в последние годы, — систематические похищения людей. Это обеспечивало талибами ещё один поток доходов, а также политический рычаг воздействия.

Операции планировались с военной точностью, объекты похищения находились под наблюдением в течение нескольких месяцев, зачастую жертвам после того, как их похищали, вводили успокаивающие средства. Чтобы избежать обнаружения, требования похитителями выдвигались через "Скайп", для отдельных этапов переговорного процесса использовались представители различных групп боевиков. Суммы выкупа варьировались от 360 тысяч до 1,5 миллиона фунтов стерлингов, хотя собранные суммы могли составлять лишь часть запрашиваемого.

Афганская полиция сверхнорматного режима неоднократно обнаруживала у похитителей списки богатых участников фондового рынка, причём талибы во многих случаях нацеливались на индустристов, шиитов и мусульман-ахмади.

КОРРУПЦИЯ И ТАЛИБЫ

Согласно отчётам Управления ООН по наркотикам и преступности, афганцы в последние десятилетия ежегодно платили взятки на сумму 2,5 миллиарда долларов, что эквивалентно 23% ВВП этой страны.

После Боннского соглашения 2001 года (о временных механизмах власти в Афганистане после вторжения США) многие деятели этих сетей заняли руководящие должности в сформированном национальном правительстве страны. Именно тогда практика покупки государственных постов стала широко распространённой. Такая коммерциализация политической власти привела к развитию внутри ключевых министерств сплочённых сетей патронажа, которые стали заниматься незаконной деятельностью. К моменту нынешнего захвата власти талибами эти сети доминировали на политическом пространстве Афганистана и были заинтересованы в слабости государства, поскольку сохраняющаяся хрупкость государственных институтов Афганистана обеспечивала им свободу действий и безнаказанность.

Помимо ослабления важнейших институтов государства, коррупция и организованная преступность сыграли свою роль в разжигании повстанческого насилия, в нестабильности. Аналитики постоянно выявляют причинно-следственные связи между хищническим управлением и расширением повстанческого движения в Афганистане, отмечая, например, связь между возрождением "Талибана" после 2003 года и злоупотреблением властью правительственными чиновниками, силами безопасности и их сетями аффилированных лиц.

Поддержка веру населения в легитимность, эффективность и долгосрочную устойчивость правительства, коррупция мешала населению мобилизоваться, сплотиться против повстанцев, и это было фактически пассивной поддержкой "Талибана".

Действовавшие в афганских министерствах группы функционировали не как профессиональные бюрократии, ориентированные на государственное управление, а как вертикально интегрированные коррупционные сети, элементы которых участвовали в различных видах незаконной деятельности и содействовали им.

Коррупция и организованная преступность в важнейших авиа- и морских портах также подрывали безопасность и суверенитет государства, позволяя осуществлять незаконный оборот наркотиков, химических веществ — прекурсоров — и оружия, облегчая при этом свободу передвижения повстанцев.

Как поясняется в Стратегии США по борьбе с транснациональной организованной преступностью (2011 г.), "нигде конвергенция транснациональных угроз не является более очевидной, чем в Афганистане и Юго-Западной Азии".

Организованная преступность и коррупция фактически стали ключевым элементом асимметричной войны талибов. Повстанцы находили способы оправдать преступное поведение как часть своего джихада. Как и в случае с кланами мафии и улчиными бандами, действующими на Западе, преступное поведение повстанцев одновременно служило защитой и являлось хищническим отношением к общинам, в которых действовали повстанческие образования.

Большинство членов нового правительства Афганистана, до захвата власти в стране, принимали участие в организованной преступной деятельности. И ждать от них переориентации своих криминально-террористических установок, по мнению большинства международных экспертов в сфере борьбы с транснациональной организованной преступностью, не приходится.

Афганистан — не первая зона конфликта, где организованная преступность стала серьёзным дестабилизирующим фактором. Например, согласно исследованию правительства США 2000 года, подпольные сети военного времени в Боснии превратились в политические преступные сети, связанные с контрабандой, уклонением от уплаты налогов и торговлей людьми. Связи между Освободительной армией Косово и балканскими контрабандистскими сетями замедлили стабилизацию положения в Косово. Исследование Стэнфордского университета, в котором проанализировано 122 гражданские войны с 1945 года, показало, что конфликты, в которых были вовлечены участники организованной преступности, в среднем длились в пять раз дольше, чем остальные.

* талибы, "Талибан", "Движение Талибан" — организация признана террористической по решению Верховного суда РФ от 14.02.2003

Валерий Коровин

ПРИЗНАЙТЕ ИХ!

Как добиться мира в Афганистане

МОЖНО УСЛЫШАТЬ МНЕНИЕ, что Афганистан захвачен при поддержке спецслужб Пакистана по указанию из Лондона, и Россия может только предоставить региону свои ЧВК для охраны разрабатываемых месторождений китайскими компаниями, другой роли для неё там нет.

Но у России есть преимущество: наша страна является хартландом, то есть сердцевинной землёй, центром Евразии. И на этом уровне — большой геополитической игры — мы можем конвертировать это единственное остающееся у нас преимущество.

То и дело встаёт вопрос: почему и зачем Советский Союз вошёл в Афганистан. Отвечая на него, следует обратить внимание на геополитическую логику. Вхождение в Афганистан было необходимо для контроля и управления геополитическими процессами, то есть для большой игры в Центральной Азии. Если бы мы не вошли тогда туда, то ещё в 1979 году вошли бы американцы.

К тому же, мы бились за глобальное доминирование своего идеологического проекта — советского проекта. И на момент входа в Афганистан расклад сил по контролю над миром, по разделу мира был примерно пятьдесят на пятьдесят. Афганистан был необходим для того, чтобы получить "контрольный па-

кет акций" мирового управления, чтобы у нас был 51%, и тогда развёртывание советской идеологии в глобальном масштабе стало бы необратимым.

Но мы отступили, ушли оттуда и сдали свой идеологический проект, поэтому развёртывание глобального западного либерального проекта стало необратимым, и мы оказались в ситуации однопольярного момента, как определял его американский политолог Чарльз Краутхаммер. Этот однопольярный момент как раз и был зафиксирован вхождением Соединённых Штатов Америки в Афганистан.

То есть мы наблюдаем такую последовательность: мир был двупольярным после Второй мировой войны, мы вошли в Афганистан для того, чтобы сделать мир однопольярным с доминированием советской идеологии. Мы вышли из Афганистана, и двупольярный мир закончился, наступил однопольярный момент при доминании западного проекта. Сегодня американцы вышли из Афганистана и тем самым закончили однопольярный глобальный проект.

Что является альтернативой однопольярному миру? Многопольярный мир, когда не одна, а несколько цивилизаций на основе

консенсуса определяют будущее, развитие человечества. С точки зрения геополитики это 6–7 или 8 цивилизаций. Одна из них — Америка, возможно, две Америки: Северная и Южная. Евроафрика или отдельно Европа и Африка. Азиатско-Тихоокеанский регион. Ещё одна цивилизация — исламская цивилизация арабского мира. Индия как отдельное государство-цивилизация, и Евразийская цивилизация, в центре которой всё ещё находится Россия — евразийский хартланд.

Чтобы этот Евразийский хартланд зафиксировать как центр евразийской цивилизации, нам необходимо участвовать в афганской ситуации на правах геополитического субъекта. А для этого необходимо там участвовать непосредственно. То есть не пытаться в очередной раз уклониться от любого участия, боясь не понравиться кому-то, вызвать чьё-то неудовольствие.

Уклоняющийся подход слабой геополитики — это не подход и не участие в ситуации с позиции хартланда. Нам необходимо вернуться в качестве геополитического субъекта в афганскую ситуацию, вернуться непосредственно.

Нужно признать талибов* действующей властью. Но не только. Нужно помочь им удержаться и стать действующей властью, помочь выстроить государственность, и по их приглашению зайти в Афганистан на позиции официальной силы, которая участвует в строительстве Афганистана и участвует в региональной геополитике официально, на законных основаниях, используя свой опыт, сделав выводы из предыдущих ошибок.

Этот опыт и эти выводы заключаются в том, что мы не должны проявлять цивилизационного высокомерия. И советская военно-политическая кампания, и американская, по большому счёту, ни во что не ставили ценности афганского общества. Мы зашли со своим социалистическим, с тем же самым высокоммерным посылом зашли американцы. И они тоже потерпели фиаско.

Афганистан — традиционная страна, она — политичная, исламская. Все эти факторы надо учесть и помочь им создать традиционное государство. Возможно, федерализация, о которой говорят, это лучший вариант, нежели построение унитарного национального государства — etat-paion — по европейским лекалам, с республиканским строем. Отсюда слабость центральной власти в Кабуле. Любая центральная власть в Афганистане — это кабульская администрация, любой единоличник лидер Афганистана — это мэр Кабула. Модель национального европейского государства для Афганистана не подходит. А традиционное государство — подходит. Федерализация — это шаг в сторону традиционного государства. И мы должны помочь им создать это традиционное государство. Только в этом случае, своим присутствием там, мы зафиксируем евразийскую цивилизацию как полюс многопольярного мира. Без этого нам не хватает геополитического веса для того, чтобы заявить себя как евразийскую цивилизацию — один из полюсов многопольярного мира.

Если нет, тогда мы остаёмся региональным государством, без Центральной Азии. Региональным государством, которое не может претендовать на статус цивилизации, то есть полюса многопольярного мира. Для нас участие в афганской ситуации критично, оно должно быть реализовано с позиции сильного геополитического субъекта, оно должно перестать считать талибов запрещённой в РФ организацией, должно признать их официальной властью, помочь им отстроить своё государство и участвовать в этом процессе. Это нужно нам самим, в первую очередь, чтобы вернуться в историю.

* талибы, "Движение Талибан" — организация признана террористической по решению Верховного суда РФ от 14.02.2003

СМОТРИТЕ ТЕЛЕКАНАЛ < ДЕНЬ >

РУССКИЙ ВОПРОС и СТАЛИН

МАРКС ПРОТИВ КОМУНИЗМА

“ЗОЛОТАЯ АКЦИЯ” ПАКИСТАНА

ЗЛОБА ДНЯ

КОМУ ОТДАДУТ СИБИРЬ?

2024: ПАДЕНИЕ РЕЖИМА?

5 ПРОРОЧЕСТВ РУССКИХ ПОЭТОВ

ЯЩИК ПАНДОРЫ ОТКРЫТ